

Научная статья

УДК 811.511.142:81'367

DOI 10.17223/18137083/83/21

**Коммуникативная вариативность
бытийной типовой синтаксической структуры
в сургутском диалекте хантыйского языка**

Илья Михайлович Плотников

Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

iliaplotnikov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6416-689X>

Аннотация

Рассматривается коммуникативная парадигма бытийной типовой синтаксической структуры сургутского диалекта хантыйского языка на материале 200 реализаций в текстах разных жанров. С учетом порядка составляющих и интонации выявлены четыре основных коммуникативных варианта. Выделено несколько наиболее частотных ситуаций употребления бытийной структуры, каждая из них проанализирована с точки зрения коммуникативного статуса ее компонентов. Продемонстрировано соответствие между ситуациями и используемыми в них коммуникативными вариантами. В ситуации существования при заполнении позиции локализатора местоименным наречием порядок составляющих вариативен, причем выбор конкретного варианта не обусловлен коммуникативными факторами, но может зависеть от индивидуальных свойств каждого конкретного источника.

Ключевые слова

хантыйский язык, сургутский диалект, бытийная типовая синтаксическая структура, коммуникативная парадигма, порядок составляющих

Для цитирования

Плотников И. М. Коммуникативная вариативность бытийной типовой синтаксической структуры в сургутском диалекте хантыйского языка // Сибирский филологический журнал. 2023. № 2. С. 269–285. DOI 10.17223/18137083/83/21

© Плотников И. М., 2023

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2023. № 2. С. 269–285
Siberian Journal of Philology, 2023, no. 2, pp. 269–285

Communicative variation of the typical existential syntactic structure in the Surgut dialect of Khanty

Ilya M. Plotnikov

Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation
iliaplotnikov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6416-689X>

Abstract

This paper considers the communicative variation in the Surgut dialect of Khanty, one of the indigenous languages of Siberia. A typical existential syntactic structure comprises three elements, to be referred to here as “subject,” “localizer,” and “predicate.” The prototypical meaning of this structure can be represented by simple existential sentences. The analysis covers 200 realizations of this structure sampled from a collection of texts representing different genres and idioms of the Surgut dialect. Four main variants of the structure are identified, taking into account both the constituent order and intonation structure. The realizations are grouped under the context in which they are used and their function in the text. These groups represent several distinct communicative situations in which the structure concerned is commonly used: discovering an object when observing a visible area, establishing the time, place, and main characters at the beginning of a text, switching attention to a new object, and others. These situations are grouped into three main situations determined by the position of the main focus on the subject, localizer, or predicate. Each main situation is associated with a specific communicative variant, in which the focal element is placed in such a way as to be emphasized intonationally. The realizations with pronominal adverbs in the localizer position are considered separately. It is in these cases that the focal subject causes two communicative variants that appear to be interchangeable, as no direct correlation between these communicative variants and the types of communicative situations has been found.

Keywords

Khanty language, typical existential syntactic structure, communicative paradigm, constituent order

For citation

Plotnikov I. M. Communicative variation of the typical existential syntactic structure in the Surgut dialect of Khanty. *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 2, pp. 269–285. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/83/21

Введение

Типовые синтаксические структуры (ТСС) представляют собой устойчивые синтаксические построения с прототипическими значениями [Кошкарёва, 2015, с. 15]. Понятие ТСС позволяет рассматривать ряд различных по формальному устройству и семантике синтаксических структур как единое поле, в котором свойства каждого отдельного элемента определяются через его противопоставление свойствам других элементов поля.

Одним из ключевых свойств ТСС как поля является функционирование в нем общих механизмов синтаксического варьирования. Все направления парадигматики элементарного простого предложения (ЭПП) [Кошкарёва, 2006, с. 67] находят отражение в парадигматике соответствующих им ТСС. В то же время пара-

дигматические свойства разных структур, входящих в ТСС, могут существенно различаться, так как потенциально конструируемые варианты синтаксической структуры оказываются в силу каких-либо причин нереализованными.

Целью настоящей статьи является описание коммуникативной парадигмы бытийной ТСС в сургутском диалекте хантыйского языка. Коммуникативная парадигма ТСС состоит из коммуникативных вариантов (КВ) – разновидностей ТСС, выбор между которыми обусловлен контекстом каждой конкретной реализации. При формировании КВ может быть задействован комплекс разных средств. В исследованиях коммуникативной системы сургутского диалекта хантыйского языка в качестве основной группы средств выражения коммуникативных значений рассматриваются морфосинтаксические, включающие падежное и залоговое варьирования [Кошкарёва, 2007, с. 40]. Так как эти явления для бытийной ТСС не характерны, то в ней коммуникативное варьирование обеспечивается другими средствами, в первую очередь варьированием порядка составляющих и интонационной структуры.

Ядром бытийной ТСС в сургутском диалекте хантыйского языка, как и во многих других, является бытийное ЭПП, репрезентируемое моделью $N_{\text{НОМ}}^{\text{Ex}} \text{LEX}^{\text{Loc}} V_f^{\text{Ex}}$, где $N_{\text{НОМ}}^{\text{Ex}}$ – субъект-экзистенс, выраженный существительным в форме именительного падежа, LEX^{Loc} – локализатор, который может быть выражен разными способами, V_f^{Ex} – экзистенциальный предикат, выраженный личной формой глагола. Бытийная ТСС состоит из трёх компонентов, соответствующих компонентам бытийной ЭПП, но, в отличие от них, не обозначающих конкретные семантические роли, составляющие бытийную пропозицию. В рамках настоящей статьи необходимо, чтобы все реализации одного и того же компонента ТСС могли рассматриваться единообразно, вне зависимости от их плана выражения или плана содержания, поэтому мы условно называем эти компоненты по семантическим ролям, выполняемым соответствующими компонентами бытийной ЭПП: субъект (S), локализатор (LOC) и предикат (PR). Эти термины охватывают несколько аспектов существования компонента ТСС и, таким образом, многозначны. Так, «локализатор» употребляется в данной статье в трех значениях: 1) одна из составляющих бытийной ТСС, соответствующая локализатору в бытийном ЭПП, 2) соответствующая ей часть конкретной реализации ТСС, 3) ментальная репрезентация референта части конкретной реализации ТСС.

Материалы и методы

Для проведения исследования использован корпус, включающий фольклорные и художественные тексты, а также образцы разговорной речи на нескольких говорах сургутского диалекта хантыйского языка из опубликованных источников (Айпин, 2003а; 2003б; Нюгломкина, 2020; Чепреги, 2015; Димэни йёвтэм моньтэят, ясэят, 2013; Ob-Ugric database) и личного архива Н. Б. Кошкарёвой. Из корпуса выбраны реализации бытийной ТСС в виде развернутой предикативной единицы, в которых эксплицитно выражены субъект и локализатор независимо от выраженности предиката. Всего собрано и проанализировано 200 таких реализаций.

В рамках коммуникативного анализа рассматриваемые реализации объединены в несколько групп, которые соответствуют наиболее частотным ситуациям употребления бытийной ТСС. В то время как реализации бытийной ТСС обычно

описывают конкретные факты действительности, их коммуникативное устройство учитывает три внешних по отношению к сообщаемым фактам компонента:

- адресант – лицо, организующее текст;
- адресат – лицо, воспринимающее текст;
- наблюдатель – лицо, которое описывается в тексте как воспринимающее сообщаемые факты.

Образ каждого из этих компонентов в зависимости от типа текста может быть конкретным, собирательным или условным. При построении текста адресант выбирает средства языка таким образом, чтобы наиболее точным и ёмким образом обозначить связь предметов и явлений действительности как в содержательном, так и в коммуникативном плане. При этом он опирается на свои предположения о предшествующих знаниях адресата об описываемой ситуации и участвующих в ней предметах. С другой стороны, одной из функций текста является выражение отношения наблюдателя к информации. Большинство рассматриваемых текстов построены так, чтобы по отношению к сообщаемой в тексте информации адресат находился в той же позиции, что и наблюдатель, т. е. таким образом, чтобы информация, являющаяся новой для наблюдателя, была новой и для адресата.

С точки зрения знаний адресата обо всей описываемой ситуации различаются информативные высказывания, в которых сообщается новая для адресата вещественная информация, и верификативные высказывания, в которых утверждается реальность или нереальность уже известной адресату информации [Адамец, 1966, с. 26–28]. Одна из основных функций информативных высказываний – введение в дискурс и актуализация предметов, являющихся участниками описываемой ситуации (в бытийной ТСС это обычно субъект и локализатор), что требует анализа как фоновых, так и обусловленных контекстом знаний адресата об этих предметах. Основным методом анализа коммуникативной структуры реализаций является актуальное членение – выделение в высказывании двух коммуникативных составляющих, называемых темой и ремой.

Для выявления корреляций между разными аспектами коммуникативных ситуаций и коммуникативными вариантами каждая реализация рассматривается с точки зрения порядка составляющих и интонационной структуры. Так как не все рассматриваемые тексты являются озвученными, то в случае анализа реализаций неозвученных текстов выводы об их интонационном устройстве делаются на основе аналогичных реализаций озвученных текстов.

Результаты и обсуждение

1. Основные коммуникативные варианты бытийной ТСС

Как показано в [Плотников, 2021], интонация в сургутском диалекте хантыйского языка обеспечивает противопоставление между тематической и рематической частями высказывания за счет выделения центра ремы мелодическим пиком, являющимся компонентом соответствующей интонационной конструкции (ИК-1). Этот факт позволяет классифицировать реализации бытийной ТСС в соответствии с позицией центра ремы и пика ИК-1, которую мы обозначим символом «звёздочка» (*).

Анализ выборки показал, что из шести порядков составляющих, которые могут быть построены для синтаксической структуры из трёх компонентов, частотными являются только два: S LOC [PR] (106 реализаций) и LOC S [PR] (94 реализации). Заключение PR в квадратные скобки означает, что компонент PR может быть опущен. В то же время наблюдаются не все возможные в них позиции инто-

национального пика, вследствие чего мы выделяем четыре основных KB бытийной ТСС (см. табл. 1).

Таблица 1
Основные коммуникативные варианты
бытийной ТСС

Table 1
Main communicative variants
of the typical existential syntactic structure

KB	Схема KB	Центр ремы
KB ₁	LOC S* [PR]	S
KB ₂	S* LOC PR	S
KB ₃	S LOC* [PR]	LOC
KB ₄	S LOC PR*	PR

2. Основные ситуации употребления бытийной ТСС

В хантыйском языке выделяются два типа реализаций бытийной ТСС, противопоставленные порядком компонентов – существование и местонахождение [Кошкарёва, 2015, с. 16; 2018, с. 56]. Наравне с ними также рассматривается третий тип – наличие / отсутствие. Мы используем эти термины как обозначения основных групп коммуникативных ситуаций, в которых употребляется бытийная ТСС. Выделение этих групп носит условный характер, так как в некоторых случаях границы между ними размыты, и не все ситуации могут быть однозначно отнесены к одной из групп. Каждая группа представляет собой поле, в центре которого находятся наиболее коммуникативно простые и частотные ситуации, характерные для реализаций бытийного ЭПП. К периферии относятся ситуации, сопровождающиеся увеличением сложности коммуникативной структуры высказываний и структурно-семантическим варьированием ТСС.

2.1. Обнаружение как разновидность существования

В качестве прототипической ситуации существования мы рассматриваем частотную для анализируемых текстов ситуацию **обнаружения** предмета (S) при осмотре пространства (LOC) наблюдателем. Эта ситуация имеет модус-диктумную структуру, которая может быть выражена в тексте эксплицитно:

- (1) <...> сарнам лэйэйл, тьа́жа ай хот тёт омэсл (Чепреги, 2015, с. 10) ¹
сарнам	лэйэйл=∅	чя́жа	ай	хот=∅
вперёд	смотреть=SUBJ.3SG	ПRTCL	один	дом=NOM
тёт	омэс=л=∅			
там	сидеть=NPST=SUBJ.3SG			
- ‘Посмотрела вперед: там стоит один дом.’

Мы выделяем два подтипа этой ситуации.

Обнаружение-1: наблюдатель произвольно обнаружил S в LOC. Наиболее характерный для рассматриваемых текстов пример этой ситуации представлен

¹ В первой строке пример приводится в том виде, в котором он представлен в первоисточнике. При глоссировании используется унифицированное графическое представление, соответствующее фонематическому принципу письма. В последней строке дается буквальный перевод, наиболее точно отражающий структуру исходного высказывания.

в (2): персонаж-наблюдатель (птичка) прибывает в некоторое новое место (дом Менк-ики²) и обнаруживает в нём предмет (горшок с жиром):

(2) *Кэр ёвтына пёльчи путэли омэс* (Чепреги, 2015, с. 6).

кэр ёвты=нэ пёльчи пут=эли=∅
печь верх=ЛОС жир горшок=DIM=NOM
омэс=л=∅
сидеть=NPST=SUBJ.3SG
'На печке стоит горшок с жиром.'

В ситуации обнаружения локализатор может выступать в виде всего осматриваемого пространства (LOC₁) или некоторого подпространства, определяемого относительно существующих внутри пространства предметов (LOC₂). В данном случае *кэр ёвтына* 'на печке' – это LOC₂, указывающий на конкретное расположение предмета в пространстве LOC₁ (дом Менк-ики). LOC₂, в свою очередь, выступает в роли субъекта в подразумеваемом бытийном утверждении «в LOC₁ есть LOC₂», от предсказуемости которого зависит коммуникативный статус LOC₂. В данном случае печка рассматривается как неотъемлемая часть структуры дома и поэтому является темой высказывания.

Известность субъекта также может варьироваться, причем как с точки зрения наблюдателя, так и с точки зрения адресата. Например, сказка «Орёл *Карэс ики*» состоит из двух частей: из первой части адресат узнаёт о Карс-ики, а во второй части в роли наблюдателя выступает человек, с точки зрения которого Карс-ики представляет собой неизвестный предмет. Несмотря на это, Карс-ики маркируется как известный местоимением *чу* 'тот':

(3) *Вултэх: тэми йухна омэс тьу карэс-ики* (Чепреги, 2015, с. 50).

ву=л=тэх тэми йух=нэ
видеть=NPST=OBJ.SG.SUBJ.3SG PRTCL дерево=ЛОС
омэс=л=∅ чу карэс-ики=∅
сидеть=NPST=SUBJ.3SG тот Карс-ики=NOM
'Видит: вот на дереве сидит тот Карс-ики.'

Обнаружение-2: наблюдатель искал и обнаружил S в LOC. Для возникновения ситуации обнаружения-2 необходим контекст, формирующий ожидания наблюдателя и адресата. Например, в сказке «Две женщины» старая женщина перечисляет действия, которые нужно выполнить главным действующим персонажам. При выполнении этих действий они находят предметы, описанные старой женщиной, тем самым получая подтверждение сообщаемой информации:

(4) [*Тьайца тёт кирэхлэл, чопэнка*] – *йэмси цот пэлэкна булэу-парэу чэмотанэт омсиэт* (Чепреги, 2015, с. 11).

йэмси цот пэлэк=нэ булэ=у-пар=эу
правый дом сторона=ЛОС грязь=ADJ-пепел=ADJ
чэмотан=эт=∅ омс=л=эт
чемодан=PL=NOM сидеть=NPST=SUBJ.3PL
'[Вот там осматривается, и правда] – на правой стороне дома стоят грязные чемоданы.'

² Менк-ики (*Мәүк Ики*) – персонаж хантыйского фольклора, сказочный великан (Чепреги, 2015, с. 59).

Аналогичная ситуация возникает в результате повторяющихся сюжетных ходов, которые могут принимать форму как ряда похожих событий (5), так и полного воспроизведения ситуации с теми же предметами (6):

(5) *Эчэ эй ими тут вѣл* (Айпин, 2003б, с. 87).

эчэ эй ими=∅ тѣт вѣл=∅
тоже один женщина=NOM там жить=SUBJ.3SG
'Там (в доме) тоже жила одна женщина.'

(6) [*Өс зөжэмэтхэ мэн, пэрхунам аңкратхэ*], *өс карэс-ики тѣт омэс* (Че-преги, 2015, с. 50).

өс карэс-ики=∅ тѣт омэс=л=∅
снова Карс-ики=NOM там сидеть=NPST=SUBJ.3SG
'[Снова в третий раз пошёл, обратно взглянул], снова Карс-ики там сидит.'

Так как обнаружение-2 основано на установлении соответствия между предполагаемым и реальным положением дел, то оно может быть классифицировано как разновидность верификации. Однако большинство подобных примеров выходит за рамки традиционного определения верификации, которое предполагает, что говорящий исправляет или подтверждает суждения собеседника, основанные на его убежденности в истинности или неистинности некоторого положения дел [Адамец, 1966, с. 27–28]. Ситуации, в которых некоторое положение дел рассматривается как вероятное на основании общих фоновых знаний, косвенных свидетельств и представлении о типичных принципах организации повествования, следует рассматривать как периферийное явление, занимающее пограничное положение между собственно верификацией и информативностью.

С коммуникативной точки зрения обнаружение-1 и обнаружение-2 однородны. В обоих случаях темой высказывания является контекстуально заданный LOC (пространство, к которому обращено внимание наблюдателя), а ремой – S (обнаруженный в нём предмет). С точки зрения организации текста S выступает как предмет, введение которого в текст обеспечивает возможность перехода к новому этапу повествования, который определяется знанием персонажа о предмете (например, в (2) птичка съедает жир и этим злит Менк-ики).

В обоих случаях употребляются два KB, характеризующихся рематичностью S (KB₁ и KB₂). Это свидетельствует о том, что в коммуникативной системе хантыйского языка эти типы ситуаций дифференцируются не через противопоставление KB, а лексическими средствами со значением соответствия или несоответствия ожиданию: в (4) это слово *чопанка* 'действительно', в (5) и (6) – слова, указывающие на повторяемость ситуации (*өс* 'снова' и *эчэ* 'тоже').

2.2. Зачин как разновидность существования

Определяющим свойством ситуации обнаружения является то, что она опирается на заданное контекстом представление о наблюдателе и пространстве, в котором он существует. В фольклорных текстах основным средством формирования этого контекста является зачин – устойчивая формула, которая обычно появляется в начале текста или его значимого раздела и предназначена как для введения в дискурс предметов, необходимых для начала повествования (чаще всего центральных персонажей), так и для указания на время и место действия [Дядюн, 2013, с. 26].

В. Матезиус на материале чешского языка выделяет два типа зачинов. Первый тип с неопределенным временным локализатором (*jednou* 'когда-то') рассматривается как коммуникативно нерасчлененное высказывание, в котором отсутствует

тема. Во втором типе в роли темы выступает локализатор, предвосхищающий еще не раскрытую предметную ситуацию (*v jedné zemi* ‘в одной стране’, *v jednom městě* ‘в одном городе’, *daleko, až tamhle někde za červeným mořem* ‘далеко, где-то там, за красным морем’) [Матезиус, 1967, с. 240–241].

Оба типа зачинов встречаются в сургутском диалекте хантыйского языка. Наиболее частотным является зачин с неопределенным временным локализатором *эй мэта латнэ* ‘когда-то’ (7), но встречаются и пространственные локализаторы (8), (9), иногда в сочетании с временными (10).

(7) *Эй мэта латнэ йох вӓллэт* (Нюгломкина, 2020, с. 10).

эй мэта латнэ йох=∅ вӓл=л=эт
когда-то люди=NOM жить=NPST=SUBJ.3PL
‘Когда-то жили люди.’

(8) *Эй вочнэ тӓџа Пэтэр вӓллэ* (Чепреги, 2015, с. 14).

эй воч=нэ чӓџа Пэтэр=∅ вӓл=эл=∅
один город=LOC PRTCL PN=NOM жить=NPST=SUBJ.3SG
‘Вот в одном городе живёт Пётр.’

(9) *Иӓксэу йӓвэннэ, Мӓккэу йӓвэннэ кат имихэн вӓллэхэн* (Чепреги, 2015, с. 10).

Иӓксэу йӓвэн=нэ Мӓккэу йӓвэн=нэ кат
PN река=LOC PN река=LOC два
ими=хэн=∅ вӓл=л=эхэн
женщина=DU=NOM жить=NPST=SUBJ.3DU
‘На берегу реки *Иӓксэу йӓвэн* *Мӓккэу йӓвэн* живут две женщины.’

(10) *Эй мэта латнэ йӓвэн тӓмпинэ кат имихэн-икихэн вӓллэн* (Нюгломкина, 2020, с. 3).

эй мэта латнэ йӓвэн тӓмпинэ кат
когда-то река за=LOC два
ими=хэн-ики=хэн=∅ вӓл=хэн
женщина=DU-мужчина=DU=NOM жить=SUBJ.3DU
‘Когда-то на том берегу Югана жили муж с женой.’

В отличие от контекстуально ориентированной ситуации обнаружения, зачин обращается к общим знаниям адресата об устройстве мира для того, чтобы сформировать образ пространства, в котором будет развиваться повествование. В то время как в (8) помещение действия в город действительно формирует определенный предметный контекст, в большинстве других случаев этот контекст условен. Так, в (9) употребленные названия рек локализуют действие не в реальном, а в сказочном пространстве (Чепреги, 2015, с. 10). Локализаторы типа *эй мэта латнэ* ‘когда-то’ также указывают на условный временной и пространственный контекст, характерный для сказочного повествования, поэтому мы, в отличие от В. Матезиуса, рассматриваем их как значимый коммуникативный компонент высказывания.

По функции в тексте к зачину приближаются случаи, в которых при наличии конкретного пространственного локализатора (*тэт* ‘здесь’) употреблен временной локализатор, относящий повествование к прошлому. Такие примеры встречаются в текстах Е. Д. Айпина:

(11) *Маџи нѣпэтнэ тэт үүэр кјүрэн войхэт вјүлэт* (Айпин, 2003а, с. 41).

маџи нѣпэт=нэ тэт ѳхэр кјүр=эп
прошлый век=LOC здесь высокий нога=ADJ
войх=эт=∅ вјүл=эт
зверь=PL=NOM быть=SUBJ.3PL
'В давние времена здесь водились волки.'

Все типы зачинов имеют одинаковую коммуникативную структуру, в которой субъект является центром ремы, а локализатор – темой. Несмотря на то, что информация, передаваемая локализатором, является новой, она рассматривается как фоновая по отношению к существованию субъекта. Эта точка зрения подтверждается также тем, что все зачины в рассмотренных текстах строятся в соответствии с KB₁ (LOC S* PR).

2.3. Другие типы существования

Обнаружение и зачин составляют ядро существования. Их объединяют, с одной стороны, общность используемых вариантов бытийной ТСС (KB₁ и KB₂) и, с другой стороны, одинаковая тема-рематическая организация (локализатор – тема, субъект – рема).

Для художественных текстов Е. Д. Айпина и примеров разговорной речи характерно употребление бытийной ТСС, которое, как и зачин, представляет собой результат абстрагирования от модус-диктумого устройства ситуации существования. Мы будем называть эту ситуацию **переключением**. В ней нет эксплицитного наблюдателя, который получает информацию параллельно с адресатом и может как-то на нее реагировать, наблюдатель представляет собой повествователя, переключаящего внимание с одного аспекта пространства на другой, выстраивая таким образом изложение в соответствии со своим представлением о знаниях адресата. Бытийная ТСС в таком случае фиксирует переход от пространства к мысленно выделяемому в нём предмету. Такие реализации бытийной ТСС могут образовывать цепочку, в которой последовательно рассматриваются предметы разной степени приближения:

(12) *Тут цамэц киврит вјүлэт* (Айпин, 2003б, с. 47).

тѳт цамэц киври=т=∅ вјүл=эт
там мох колодец=PL=NOM быть=SUBJ.3PL
'Там (у подножия горы) были колодцы.'

(13) *Киври џотнэ чуминт тјунтэх, юх вјйэл, кевэл вјүл* (Айпин, 2003б, с. 48).

киври џот=нэ чуминт тѳнтэх йух вјй=эп
колодец дом=LOC такой береста дерево ручка=ADJ
кэвэл=∅ вјл=∅
ковш=NOM быть=SUBJ.3SG
'В домике над колодцем был такой берестяной ковш с деревянной ручкой.'

В рамках этой ситуации возможно введение в дискурс не только неизвестных, но и известных адресату предметов. Например, в (14) субъект бытийной ТСС предполагается известным читателю, так как уже фигурировал в тексте произведения, но еще не упоминался в рассматриваемой главе:

(14) *Тут ма Ефрем-ики пукликем вӱл* (Айпин, 2003б, с. 77).

тӱт ма Ефрем-ики пуклик=эм=∅
там я PN-мужчина крёстный отец=POSSR.1SG=NOM
вӱл=∅
жить=SUBJ.3SG
'Там жил мой крестный отец Ефрем.'

В примере (15) говорящий просит собеседника произнести хантыйское название известной им обоим реки. Бытийная ТСС используется для конкретизации предмета через пространственную связь с другим известным предметом:

(15) *Воч ҫонәннә йәмат әнәл йӱвән вәлэ <...>* (Личный архив Н. Б. Кошкарёвой).

воч ҫонән=нә йәмат әнәл йӱвән=∅ вәлэ
город возле=LOC очень большой река=NOM PRCL
'Возле Сургута ведь очень большая река.'

Использование дейктических средств формирует ситуацию **указания**. Такие ситуации возникают в диалоге (16) или внутренней речи (17), когда говорящий указывает на конкретный наблюдаемый им LOC как на место, в котором существует S. Указание приобретает свойства переключения, если используется говорящим для введения в дискурс новых предметов, как в (16), или обнаружения, если является вербализацией процесса нахождения в пространстве предметов, как в (17).

(16) *Тәм тахинә ҫот мәх* (Айпин, 2003а, с. 6б).

тәм тахи=нә ҫот мәх=∅
этот место=LOC дом земля=NOM
'В этом месте священная земля.'

(17) *Тәт Күрән Войәх* (Айпин, 2003б, с. 102).

тәт күр=ән войәх=∅
здесь нога=ADJ зверь=NOM
'Вот Лось (букв. Ногастый зверь; здесь – название Большой Медведицы).'

Все рассмотренные ситуации существования объединяются тем, что LOC служит в них отправной точкой, которая используется для перехода к S, но не является собственно предметом мысли, о котором сообщается новая информация. Свойство быть тем, чему «посвящено» высказывание, часто рассматривается как одно из основных свойств темы высказывания [Lambrecht, 1994, p. 119]. В нашей выборке есть несколько случаев реализации бытийной ТСС, в которых LOC обладает этим свойством: в (18) описывается целостный образ, который характеризует место дерева в формируемой текстом картине мира, а (19) характеризует предмет, который выступает в роли LOC. Эти примеры относятся к периферии существования.

(18) *Җӱтлин сорньән нӱхӱл-кӱтӱлнә тӱрәм вӱх ӱлӱл* (Айпин, 2003а, с. 67).

Җӱтлин сорньән нӱх=л=ӱл-
днём золотой ветка=POSSM.PL=POSSR.3SG-
кӱт=л=ӱл=нә тӱрәм вӱх=∅
рука=POSSM.PL=POSSR.3SG=LOC небо=NOM

ёл=ал=∅

лежать=NPST=SUBJ.3SG

‘Днём на её золотых ветвях-руках лежит небо.’

(19) <...> *кацэу цөнэ йэм пан атэм вөл* <...> (Айпин, 2003б, с. 90).

кацэу цө=нэ йэм пан[э] атэм
каждый человек=LOC хороший и плохой

вёл=л=∅

быть=NPST=SUBJ.3SG

‘в каждом человеке есть хорошее и плохое.’

2.4. Местонахождение

Для местонахождения характерна противоположная существованию тема-ре-матическая организация (субъект – тема, локализатор – рема) и использование KB₃ (S LOC* [PR]).

В отличие от обнаружения, в случае местонахождения эксплицитная модус-диктумная структура возникает при построении суждений о предмете, существование которого уже было установлено в контексте или считается очевидным, что позволяет сместить внимание с предмета (S) на его пространственные отношения (LOC). Примерами такой ситуации являются высказывания, в которых описывается положение в пространстве персонажа-наблюдателя (**самонаблюдение**):

(20) *Пёуэлнэ лэйлэхэл – тэми пухэл цэринэ омэс* (Чепреги, 2015, с. 35).

пёуэл=нэ лэйлэх=эл=∅ тэми пухэл
сторона=LOC смотреть=NPST=SUBJ.3SG PRTCL селение

цэри=нэ омэс=л=∅

двор=LOC сидеть=NPST=SUBJ.3SG

‘По сторонам смотрит – видит: он сидит во дворе селения.’

(21) *Мин түвэт кучэунэ умэсмэн* (Айпин, 2003б, с. 111).

мин түвэт кучэу=нэ умэс=мэн
мы огонь возле=LOC сидеть=SUBJ.1DU

‘Мы сидели возле костра.’

Метатекстовую функцию, аналогичную зачину, выполняет тип местонахождения, который может быть назван **раскладом**. Расклад возникает в начале повествования или его значимой части и формирует фон для дальнейших событий повествования, указывая на то, где находятся его персонажи. Если в тексте несколько персонажей, то может противопоставляться их положение относительно одного и того же локализатора, как в (22) и (23). Значимость этой информации в тексте обеспечивается тем, что местонахождение персонажа определяет возможность осуществления им каких-либо действий: например, в (22), (23) отец не может остановить нападение волков на оленей, а в (24) мужчине требуется много времени для того, чтобы дойти до города, из-за чего он подслушивает разговор.

(22) *Мин аңкемнат йаьун вёлмэн* (Айпин, 2003а, с. 41).

мин=∅ аңк=эм=нат йаьун вёл=мэн
мы=NOM мать=POSSR.1SG=COM дома быть=SUBJ.1DU

‘Мы с матерью были дома.’

(23) *Ачѐм илѐн вѝл* (Айпин, 2003а, с. 41).

ач=эм=∅ илѐн вѝл=∅
отец=POSSR.1SG далеко быть=SUBJ.3SG
'Отец был далеко [от дома].'

(24) *Өс кѐнар ɟѐ воч поч ɟотнѐ тѐт ɟыч <...>* (Нюгломкина, 2020, с. 5).

өс кѐнар ɟѐ=∅ воч поч ɟот=нѐ
а бедный мужчина=NOM город край дом=LOC
тѐт ɟыч=∅
там остаться=SUBJ.3SG
'А бедняк остался там, в доме на краю города.'

С точки зрения роли в тексте местонахождение не симметрично прототипическому существованию. Положение предмета (S) в пространстве обычно рассматривается как информация, расширяющая знания адресата о предмете (т. е. высказывание посвящено предмету), а пространство (LOC) имеет значение только в связке с предметом и не становится самостоятельным участником текста.

2.5. Наличие / отсутствие

Ситуация **наличия / отсутствия** предполагает верификацию, т. е. подтверждение или опровержение суждений, эксплицитно или имплицитно содержащихся в тексте. Например, в (25) наблюдатель осматривает себя и проверяет целостность своих частей тела, исходя из предположения, что они могли пострадать:

(25) [*Панѐ лѝват кѐлхѝлѝтѝл: кѝтам – та-а*], *кѝтам тѝтты* (Нюгломкина, 2020, с. 11).

кѝт=ам=∅ тѝтты
рука=POSSR.1SG=NOM здесь
'[Ощупывает себя: рука – вот], рука на месте.'

При отрицании возникает ситуация **необнаружения**, близкая к обнаружению-2, так как ее возникновение также обусловлено ожиданиями наблюдателя или адресата. Уровень обоснованности этих ожиданий может значительно варьироваться. Например, в (26) герой совершенно уверен, что бабушка не уплывет без него домой, а в (27) основанием для отрицаемого суждения служит только связь между домом и его хозяином.

(26) [*Ай пѝхѝли нык иѝвѝтмаѝа*], *та, чѝчил ɟѝтта пѝ ѐнтѝм* (Нюгломкина, 2020, с. 11).

та чѝчи=л=∅ ɟѝтта пѝ ѐнтѝм
INTERJ бабушка=POSSR.3SG=NOM нигде нет
'Мальчик на берег пришел, а бабушки, оказывается, нигде нет.'

(27) [*Мѝнк Ики ɟѝта иѝвѝт, ɟѝт ɟѝны иѝɟѝнам лѝй.лѝл*], *Мѝнк Ики иѝɟѝн ѐнтѝм* (Чепреги, 2015, с. 6).

Мѝнк Ики=∅ иѝɟѝн ѐнтѝм
Менк-ики=NOM в доме нет
'[Пришла к дому Менк-ики, заглянула внутрь дома], Менк-ики в доме нет.'

Эта группа ситуаций представлена в выборке небольшим количеством примеров и наименее однородна с точки зрения используемых КВ. В то время как для отрицательных высказываний характерно употребление КВ₄ с выделением в рему

предиката *энтэм*, во всех выявленных примерах утвердительных высказываний предикат опущен, а функция выделяемого в рему показателя истинности переходит к локализатору.

3. Реализации с местоименным наречием в позиции локализатора

Класс местоименных наречий представлен в сургутском диалекте хантыйского языка указательными местоимениями *тэт* 'здесь' и *тёт* 'там' и их вариантами *тэтты* и *тётты*, употребляемыми в роли сказуемого [Чепреги, 2017, с. 115]. Ситуации их употребления различаются в зависимости от выраженности PR.

В высказываниях с опущенным PR реализуются два KB в усеченном виде, который мы обозначим символом «штрих» ('). В ситуациях существования (см. пример 6) используется KB₁' (*тэт / тёт S**). В ситуациях местонахождения и наличия / отсутствия (см. пример 25) употребляется KB₃' (*S тэтты* / тётты**). Таким образом, формы *тётты* и *тэтты* употребляются в контекстах, в которых LOC является ремой, и могут рассматриваться как рематические варианты этих местоимений.

Множество реализаций с выраженным PR и *тэт / тёт* в позиции LOC отличаются от других тем, что только в нём в ситуации существования общеупотребительному KB₁ противопоставляется KB₂. В то время как во всех других случаях противопоставления KB носят коммуникативный характер, нам не удалось установить критерии, которые позволили бы однозначно связать это противопоставление с конкретными характеристиками ситуации. Отсутствие такой связи доказывается существованием групп примеров, репрезентирующих один и тот же тип ситуации, например, обнаружение-1:

(28) <...> [*сарнам лэйгэ], тьяҕа ай ҕот тёт омэс*] (Чепреги, 2015, с. 10).

чяҕа ай ҕот=∅ тёт омэс=л=∅
PRTCL один дом=NOM там сидеть=NPST=SUBJ.3SG
'[Посмотрела вперед]: там стоял один дом.'

(29) [*Ҕота йаҕа дйң], тэми тёт ай пырэс ики омэс*] (Димэни йёвтэм моньтээт, ясээт, 2013, с. 194).

тэми тёт ай пырэс ики=∅
PRTCL там один старый мужчина=NOM
омэс=л=∅
сидеть=NPST=SUBJ.3SG
'[Внутри дома вошёл], там сидит один старый мужчина.'

Так как в KB₂ рема помещается в начало реализации ТСС, то противопоставление между KB₁ и KB₂ может трактоваться как противопоставление между нейтральным и экспрессивным вариантами высказывания, которое носит стилистический характер [Ковтунова, 1976, с. 98–101]. Однако в этом случае необъясним тот факт, что употребление экспрессивного варианта ограничено реализациями с местоименным наречием.

Несмотря на описанные системные различия между реализациями бытийной ТСС с выраженной и невыраженной позицией PR, наблюдается зависимость между употреблением KB₁ и KB₁', которым соответствует порядок LOC S: большинство случаев употребления LOC S приходится на две группы источников, в то время как в двух других такие примеры отсутствуют (табл. 2). Одним из возможных объяснений такого распределения может быть существование некоторого правила, ограничивающего употребление местоименных наречий *тэт* и *тёт* в позиции

начала реализации бытийной ТСС, действие которого распространяется только на часть источников. Относительно небольшое количество примеров в рассматриваемых источниках не позволяет сделать выводов о том, какими характеристиками источников (говором, жанром или стилистическими факторами) обусловлено это явление.

Таблица 2

Распределение порядка составляющих в высказываниях с местоименными наречиями в позиции локализатора

Table 2

Distribution of constituent order in utterances with pronominal adverbs in the position of localizer

Источник	Говор	LOC S	S LOC
Айпин, 2003а, 2003б	аганский	13	4
Сказки, рассказы с реки Лямы, 2013	пимский	8	9
Нюгломкина, 2020	юганский	3	7
Чепреги, 2015	тромаганский, аганский, большеюганский	0	7
Личный архив Н. Б. Кошкарёвой	тромаганский	0	7
Общее количество		24	34

Противодействующим фактором является то, что KB_1 и KB_1' соответствуют общей парадигме бытийной ТСС, выстраиваемой на основе ее реализаций с именными группами в позиции LOC. Это может обуславливать тенденцию к употреблению KB_1 и KB_1' под действием принципа аналогии. Такое выравнивание парадигмы может развиваться под влиянием русского языка, в котором в аналогичных ситуациях используется один и тот же KB (ср. *В доме сидел один мужчина* и *Там сидел один мужчина*).

Заключение

В рассмотренных текстах бытийная ТСС выполняет целый ряд значимых функций: служит отправной точкой для повествования, формирует контекст, в котором разворачивается действие, обеспечивает возможность введения в текст новых лиц и предметов, характеризует и конкретизирует их. Это множество функций обслуживается небольшим количеством коммуникативных вариантов, которые с точки зрения плана выражения противопоставляются как порядком составляющих, так и интонацией, а в коммуникативном плане соответствуют группе коммуникативных ситуаций с одним и тем же компонентом в позиции центра ремы:

- S – KB_1 и KB_2 (существование);
- LOC – KB_3 (местонахождение);
- PR – KB_4 (наличие / отсутствие).

Осложняющим систему фактором является вариативное употребление KB_1 и KB_2 в ситуации существования при заполнении позиции локализатора местоименным наречием. Тот факт, что эта вариативность не мотивирована различиями

в коммуникативной структуре высказывания, может свидетельствовать о существовании неустойчивости в рассматриваемой парадигме.

Настоящее исследование не претендует на полное описание парадигмы бытийной ТСС, так как в него не вошло описание менее частотных ситуаций ее употребления и коммуникативных вариантов, а также наблюдения о функционировании выявленной системы на материале некоторых структурно-семантических вариантов бытийной ТСС.

Список сокращений и условных обозначений

Сокращения: ИК – интонационная конструкция; КВ – коммуникативный вариант; ТСС – типовая синтаксическая структура; ЭПП – элементарное простое предложение.

Условные обозначения компонентов бытийной ТСС: LOC – локализатор; PR – предикат; S – субъект.

Условные обозначения, используемые в глоссировании: 1 – 1-е лицо; 3 – 3-е лицо; ADJ – словообразовательный аффикс прилагательного; DIM – диминутив; DU – двойственное число; INTERJ – междометие; LOC – местный падеж; NOM – основной падеж; NPST – непрошедшее время; OBJ – объектное спряжение; PL – множественное число; PN – имя собственное; POSSM – посессум; POSSR – посессор; PRTCL – частица; SG – единственное число; SUBJ – субъектное спряжение; Ø – нулевой аффикс.

Список литературы

Адамец П. Порядок слов в современном русском языке. Прага: Academia, 1966. 101 с.

Дядюн С. Д. Зачины и концовки в хантыйских сказках // Вестник угроведения. 2013. № 4 (15). С. 24–30.

Ковтунова И. И. Современный русский язык: порядок слов и актуальное членение предложения. М.: Просвещение, 1976. 240 с.

Кошкарёва Н. Б. Метод моделирования структуры и семантики элементарного простого предложения как единицы языка // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2006. Т. 4, № 2. С. 64–76.

Кошкарёва Н. Б. Средства выражения актуального членения в сургутском диалекте хантыйского языка (в сопоставлении с другими уральскими языками и диалектами хантыйского языка) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2007. Т. 6, вып. 2. С. 34–43.

Кошкарёва Н. Б. Типовые синтаксические структуры в языках разных систем как отражение единиц языка и речи // Сибирский филологический журнал. 2015. № 2. С. 14–26.

Кошкарёва Н. Б. Бытийно-пространственные типовые синтаксические структуры и их семантика в хантыйском и ненецком языках // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 9. С. 53–65. DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-9-53-65.

Матезиус В. О так называемом актуальном членении предложения // Пражский лингвистический кружок: Сб. ст. М.: Прогресс, 1967. С. 239–245.

Плотников И. М. Интонационная система сургутского диалекта хантыйского языка // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2021. № 2. С. 25–43. DOI 10.25205/2312-6337-2021-2-95-106

Чепреги М. Сургутский диалект хантыйского языка. Ханты-Мансийск: Печатный мир г. Ханты-Мансийск, 2017. 275 с.

Lambrecht K. Information structure and sentence form. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. 388 p.

Список источников

Айтин Е. Д. В тени старого кедра. СПб.: Просвещение, 2003а. 71 с.

Айтин Е. Д. Я слушаю землю. СПб.: Просвещение, 2003б. 111 с.

Нюгломкина – Три мудрых совета: сказки Полины Иудовны Нюгломкиной. На сургутском диалекте хантыйского языка с переводом на русский язык. Новосибирск: Гео, 2020. 24 с.

Чепреги М. Сказки и рассказы сургутских ханты: фольклорный сборник. Тюмень: Формат, 2015. 118 с.

Димэни йбвтэм моньтэт, ясэт (Сказки, рассказы с реки Лямы): фольклорный сборник на языке сургутских ханты. Ханты-Мансийск: Юграфика, 2013. 328 с.

Ob-Ugric database: analyzed text corpora and dictionaries for less described Ob-Ugric dialects. URL: www.oudb.gwi.uni-muenchen.de (дата обращения 15.04.2023).

References

Adamets P. *Poryadok slov v sovremennom russkom yazyke* [Word order in modern Russian language]. Prague, Academia, 1966, 101 p.

Csepregi M. *Surgutskiy dialekt khantyyskogo yazyka* [The Surgut dialect of the Khanty language]. Khanty-Mansiysk, Pechatnyy mir g. Khanty-Mansiysk, 2017, 275 p.

Dyadyun S. D. Zachiny i kontsovki v khantyyskikh skazkakh [Introductions and endings in the Khanty fairy tales]. *Bulletin of Ugric Studies*. 2013, no. 4 (15), pp. 24–30.

Koshkareva N. B. Bytiyno-prostranstvennyye tipovye sintaksicheskie struktury i ikh semantika v khantyyskom i nenetskom yazykakh [Typical existential-spatial syntactic structures and their semantics in the Khanty and Nenets languages]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2018, vol. 17, no. 9, pp. 53–65. DOI: 10.25205/1818-7919-2018-17-9-53-65

Koshkareva N. B. Metod modelirovaniya struktury i semantiki elementarnogo prostogo predlozheniya kak edinitsy yazyka [The method of modeling structure and semantics of elementary simple sentence as a language sign]. *NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2006, no. 2, pp. 64–76.

Koshkareva N. B. Sredstva vyrazheniya aktual'nogo chleneniya v surgutskom dialekte khantyyskogo yazyka (v sopostavlenii s drugimi ural'skimi yazykami i dialektami khantyyskogo yazyka) [Means of expressing the actual articulation in the Surgut dialect of the Khanty language (in comparison with other Uralic languages and dialects of the Khanty language)]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2007, vol. 6, iss. 2, pp. 34–43.

Koshkareva N. B. Tipovye sintaksicheskie struktury v yazykakh raznykh sistem kak otrazhenie edinitsy yazyka i rechi [Typical syntactic structure in languages of different systems as reflection of language and speech units]. *Siberian Journal of Philology*. 2015, no. 2, pp. 14–26.

Kovtunova I. I. *Sovremennyy russkiy yazyk: Poryadok slov i aktual'noe chlenenie predlozheniya* [Modern Russian: word order and actual articulation of a sentence]. Moscow, Prosveshchenie, 1976, 240 p.

Lambrecht K. *Information structure and sentence form*. Cambridge, Cambridge Uni. Press, 1994, 388 p.

Mathesius V. O tak nazyvaemom aktual'nom chlenenii predlozheniya [On so-called actual division of sentence]. In: *Prazhskiy lingvisticheskiy kruzhok: Sb. st.* [Prague linguistic circle: Collection of papers]. Moscow, Progress, 1967, pp. 239–245.

Plotnikov I. M. Intonatsionnaya sistema surgutskogo dialekta khantyyskogo yazyka [Intonation system of the Surgut dialect of Khanty]. *Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia*. 2021, no. 2, pp. 25–43. DOI: 10.25205/2312-6337-2021-2-95-106

List of sources

Aypin E. D. *V teni starogo kedra* [In the shadow of the old cedar]. St. Petersburg, Prosveshchenie, 2003a, 71 p.

Aypin E. D. *Ya slushayu zemlyu* [I am listening to the Earth]. St. Petersburg, Prosveshchenie, 2003b, 111 p.

Csepregi M. *Skazki i rasskazy surgutskikh khanty: fol'klornyy sbornik* [Fairy tales and stories of the Surgut Khanty: a collection of folklore]. Tyumen, Format, 2015, 118 p.

Ob-Ugric database: analysed text corpora and dictionaries for less described Ob-Ugric dialects. URL: www.oudb.gwi.uni-muenchen.de (accessed 15.04.2023).

Skazki, rasskazy s reki Lyamy: fol'klornyy sbornik na yazyke surgutskikh khanty [Fairy tales, stories from the Lyama River: a collection of folklore in the language of Surgut Khanty]. Khanty-Mansiysk, Yugrafika, 2013, 328 p.

Tri mudrykh soveta: skazki Poliny Iudovny Nyuglomkinoy. Na surgutskom dialekte khantyyskogo yazyka s perevodom na russkiy yazyk [Three wise advice: the tales of Polina Yudovna Nyuglomkina. In the Surgut dialect of the Khanty language with translation into Russian]. Novosibirsk, Geo, 2020, 24 p.

Информация об авторе

Плотников Илья Михайлович, младший научный сотрудник Сектора языков народов Сибири Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук,

Scopus Author ID 57219696107

WoS Researcher ID HTT-0308-2023

Information about the author

Ilya M. Plotnikov, Junior Researcher at the at the Department of Siberian Ethnoses' Languages, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

Scopus Author ID 57219696107

WoS Researcher ID HTT-0308-2023

Статья поступила в редакцию 26.04.2023;

одобрена после рецензирования 03.05.2023; принята к публикации 11.05.2023

The article was submitted on 26.04.2023;

approved after reviewing on 03.05.2023; accepted for publication on 11.05.2023

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2023. № 2
Siberian Journal of Philology, 2023, no. 2